

В этом сказочном мире жизни

— Радий Петрович, как случилось, что вы стали детским писателем?

— Почти случайно. Думал, писать для детей проще, чем для взрослых. Но вскоре понял, что в детской литературе, как нигде, трудно. Совершенно не понимал ее — полный туман... Детская литература тогда была специфической...

— Дидacticической?

— Излишне. Она должна быть в меру дидактической. Тогда же дидактика была самоцелью. Лишь когда прочитал рассказ Юрия Нагибина «Зимний дуб», понял — можно интересно работать в этом жанре.

— Это было в середине 50-х?

— Да. В то время у меня в запасе был круг мыслей, которые хотелось высказать детям. Потом я их высказал... Идти же по второму кругу — не умею. Писать похоже — не люблю. Стал использовать сказочные элементы — в «Книжке про Гришку», а затем писать сказки, последняя из которых — «Гдетыгдетыгдеты» недавно вышла в свет. Сказки — литература безграничная, поистине не имеющая предела. Хотя уже теперь тянет вернуться к реальности, рассказать о своем детстве, написать о своей бабушке — мы с ней один ликбез заканчивали. Интересная такая история о том, как вместе одолевали премудрости учения. Хотел бы написать и о своем старшем брате — необычайно талантливом человеке. Помню, что все за ним поспеть стремился. Догонял, догонял, да так и не догнал — погиб он в 1941-м...

— Вам, ветерану войны, награжденному многими орденами и медалями, военная тема по-особому близка?

— В литературе для детей я ее не затрагивал. У меня была повесть для подростков «Живи, солдат», но она и для взрослых. Как-то написал небольшую повесть «Мост» — она долго лежала в столе. Видно, ощущал ее как часть целого... Написал потом повесть «Боль», где биография подчас в метафору переводится. Все они вместе с повестью «Дверь» вошли в новую книгу «Живи, солдат». Позднее «Мост» войдет во вторую часть «Боли», а весь будущий роман хочу назвать «Река». Но это когда-нибудь...

— Может быть, есть явный эпизод военных лет, о котором вы хотели бы написать?

— О своем командире. Отношения командира и солдата всегда складываются по-особенному. Тем более, если командир — генерал, а я — рядовой, разведчик. Был такой примечательный случай на фронте.

Пришел к нам молодой лейтенант, только из училища. Понадобился ему, бог весть зачем, «язык». Дело в Германии было — мы, те, кто поопытнее, могли бы хоть роту «языков» привести. Да незачем было. А он, несмотря на угрозы, отправился со своим подразделением в тот район, где мы только что «нашумели». Вернулся и без «языка», и без людей, с одним ординарцем — всех побивали фашисты. Не выдержал лейтенант — застрелился. Мне поручили его хоронить. Долго думали, что написать. Решили — «погиб геройски»... Только похоронили, вдруг на «Виллисе» подъезжает генерал, мрачный такой. Подходит к могиле. Нас не видит. Снимает табличку и с собой увозит. Узнали потом — сыном ему был тот лейтенант...

Задумал, кроме того, серию рассказов, в которых хотел бы поговорить о вещах высокого духовного порядка. Правда, слово «духовность» нынче что-то стало слишком расхожим. «Духовности, мол, мало», — говорят, гудя по Невскому и

Известному ленинградскому писателю, автору многочисленных рассказов, повестей, пьес и киносценариев Р. П. Погодину исполняется 60 лет. Только что в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» вышла его новая книга «Живи, солдат». Идет активная работа над будущими произведениями. Сегодня Р. Погодин — наш гость.

заглядывая то в магазин пластинок, то в коктейль-бар...

— А с чем, на ваш взгляд, связана такая девальвация понятия?

— По-моему, с одним очень простым явлением. Духовность — прежде всего качество. Качество отношений, качество мышления, качество труда, качество искусства... Когда остаются люди перед великой картиной, предположим, «Моной Лизой», — разговоры сразу умолкают. Она объединяет нас, наши мысли каким-то новым образом. Тогда возникает общение на высшем уровне, на уровне духа. Надо строже относиться к себе, к уровню своей работы. Как только мы снижаем критерии — «духовность» становится пустым словом.

У детей внутренние критерии еще ярче выражены. Вот они шумно толпятся в музее и вдруг подбегают к чему-то удивительному, и весь класс, как по команде, замолкает. Нанх красота действует сильнее, чем на нас. У них словно есть прямой ход к прекрасному. Да вообще ребенок творит на уровне открытия. Для взрослого художника, например, если ему удается уникально соединить «синенькую» и «зеленьскую» краски — высшая удача. Ребенок же делает это без усилий. Одаренность — его божественная суть — постепенно уходит, и дело здесь не только в физическом взрослении, но и в том, что он начинает думать об одном, другом, третьем... Сегодня «а», завтра «б», и так далее, все это вечное расчленение восприятия мира... Расчленение на ступени разрушает восприятие. Наверное, человечество, придумав методику последовательного воспитания, ошиблось. Воспитывать надо сразу, как и живет сам ребенок. Он все сразу видит и знает. А мы о том, как дети рождаются, рассказываем в лучшем случае в восьмом классе, а как умирают, стараемся вовсе не рассказывать...

— Вы как детский писатель чувствуете себя больше педагогом или художником?

— Просто пишу книжки, стараюсь, чтобы они были интересными. Если книга, пусть даже очень умная, нужная, отвечающая на политические, социальные, нравственные вопросы, читается без интереса — это творческая неудача. Пушкин хоть и говорил, что проза должна быть скучной, сам скучной прозы не писал. Есть правда чувств — книга находит

клик у читателей. Если же литература несет в себе только знания, то она становится специальной, узкоспециальной. Чрезмерный акцент на понятиях «проблема, проблематика» меня настораживает.

Мои герои не отличаются от существующего типа героев. Просто я пытаюсь прибавить им чуть-чуть больше романтической сути — они видят чуть дальше, чуть более общо. Восхождение мира детства — не что иное, как реконструкция моих собственных детских впечатлений применительно к дню сегодняшнему.

— Какова роль неизменных событий, жизненных впечатлений в вашем творчестве?

— Однажды, сидя в своей мастерской — люблю рисовать — стал свидетелем любопытного происшествия. На лестнице — шум, гам. Трое мужчин тянут вниз огромный тяжелый корабельный якорь. Выяснилось, что живет здесь девчонка, в которую влюблен парень. Перед уходом в армию он один(!) затащил его наверх, чтобы она не забывала и ждала. Она не дождалась... Конечно, в книге пересказывать эту ситуацию я не стану, но вижу в ней прекрасный повод поразмышлять о верности и неверности.

Не могу согласиться с расхожим представлением, что, мол, сегодняшняя молодежь хуже, жестче, чем были мы. Это неправда. Хотя... понятие чести, например, ослабло. У нас было много разных табу: нельзя маленькой обижать девочек, быть нельзя. Сейчас не так. Раньше двор создавал коллектив. Моги, конечно, друг с другом воевать. Но стоило кому из чужих обидеть Васю Рыжего — мы за него горой... Теперь, как это ни странно, дети часто предоставлены самим себе. Вот мы раньше воспитывались в детском секторе Дворца культуры имени С. М. Кирова. Там проводили все свободное время, всегда при деле были и всегда — вместе. А сейчас в огромных микрорайонах, особенно в новостройках, детских организаций днем с огнем не сыщешь. Не надо жалеть средств на детский досуг. Не ходят в районные детские библиотеки — сделайте детские центры при домах, чтобы книги, футбольные мячи, игры под расписку родителей выдавали. Нужны специальные игровые комнаты. В так называемые детские городки с неважными аттракционами ребята и не ходят. На свалку же — с удовольствием. Почему бы не давать им, скажем, списанные грузовики с соседнего завода? Конечно, тут все равно не обойтись без энтузиастов, которые возились бы с ребятами, показывали, рассказывали...

Что же касается состояния детской литературы, то оно оставляет желать много лучшего. Намечился определенный спад, вакуум, что ли. Нет новых ярких имен. Если «стартики» стремятся быть на определенном творческом уровне, то молодежь, складывается впечатление, приходит в детскую литературу неохотно. Ей недостает оптимизма, без которого детская литература немиссия. Та коренная перестройка, что идет сейчас в нашей экономике, думаю, отразится и на формировании нравственных ценностей, идеалов. Верю, что это скажется и на детской литературе. Ведь для ребенка, так естественно осваивающего будущее, в том числе и в его художественных формах, чрезвычайно важно, чтобы в книгах элементы жизненного, непридуманного и воображаемого, сказочного находились в гармонии, которая может сравниться разве что с радостью бытия.

Беседу вел
В. ТРЕТЬЯКОВ